

ОДНАЖДЫ МЫ СНОВА НИКОГДА

СЕРГЕЙ ЛЕБЕДЕННО

Родился в 1993 году в Краснодаре, там же и вырос. Учился в МГИМО и магистратуре «Литературное мастерство» НИУ ВШЭ.

Работает редактором в медиа.

Автор романа «(не)свобода» (АСТ, 2022) и рассказов в сборниках «Бу! Леденящие сназни про буллинг» (2022) и «Сообщини» (2022).

Сейчас она больше всего хочет превратиться в кота.

– Мы опоздали, – повторяет она так, чтобы до него уже дошло. – Ничего не поделаешь, надо просить бронь на следующий рейс.

Она видит, как он готовится с ней спорить – щеки краснеют, губы превращаются в двух извивающихся мармеладных червей, – и она повторяет:

– Опоздали, опоздали, опоздали, опоздали. – Она сама не знает, хочет ли оказаться правой или поддразнивает его.

– Мы пришли вовремя! – Наконец он находит окошко в ее повторах и врывается, словно в поисках воздуха. – Вот билеты! Вот расписание! Мы не опоздали! Самолет должен быть здесь! Тут! Тут!

Он размахивает руками в разных направлениях, выхватывая из аэропортовой лиминальности то стойки регистрации, то висящие на стене большие экраны. Рисует фигуры в воздухе. Словно тут сам самолет и должен стоять, настоящий. С крыльями, фюзеляжем, хвостом, ящиками с герметичными пакетами с холодными макаронами и сырыми сосисками, переваренной курицей, пропахшими озоном туалетами, заевшими откидными столиками и улыбающимися шелкунчиками-пилотами и стюардессами. Ну, и всем таким.

Но самолета нет, рейса на экране регистрации нет, Пашу отводит в сторону иранец с бритыми висками – *chill, dude*, – а Жене нестерпимо хочется курить, хотя она бросила курить два года назад по причине «чтобы Жене не надыхалось». Она вообще любит кота больше, чем себя, даром что его зовут так же. Она сидит на скамейке, прислонившись к серому столбу и положив ноги в джинсах и синих кедах на двадцатилитровый синий чемодан. Слишком много синего. Синий – цвет смерти, и она размышляет, не специально ли она надела его в полет: в ней же правда что-то умерло, прямо там, когда в нее вперились серые с желтком глаза пограничницы и начали сверлить, словно хотели докопаться до мозга.

Да, она умерла, а бешенство Паши, перебегающего от стойки регистрации к табло и обратно, – ее предсмертные судороги. Паша-Паша.

Женя разблокирует телефон и начинает снимать. Паша повторяет свой маршрут, затем останавливается у группы туристов – русский мужчина с девушкой моложе, наверное, женой, и еще двумя мужчинами в помятом полетном, – и о чем-то спорит, после чего озабоченно возвращается к стойке регистрации. И так два раза. Камера следует за ним. Выхватывает крупным планом Пашины мешки под глазами. У Жени дергаются руки. Наконец Паша замечает Женю с камерой и хмурится:

– Да что смешного?

Жене не смешно, но тут она начинает смеяться, придерживая пальцами щеки, смеяться тем сильнее, чем сильнее она зажимает себе рот, смеяться с выражения лица Паши, которое выражает сочетание фрустрации и потерянности. Она сама не понимает, почему смеется, но остановиться не может. К ним подходит сотрудница аэропорта – красный галстук, как у пионерки, морщинки от недосыпа и неправильного питания, глаза добрые и какие-то грустные. У нее маникюр с иероглифами, и Женя сразу понимает, что они могли бы быть хорошими подругами. Пашин хороший английский пробивается сквозь туманный англо-турецкий, который течет из подведенных бордовой помадой губ сотрудницы, и узнает, к какому окошку ему стоит подойти. Женя следует за Пашей, с облегчением чувствуя, как внутри нее затухает волна би-паники.

– Мы не опоздали, – зло повторяет Паша.

У него дергается левое плечо – не так, чтобы заметно, но достаточно, чтобы Женя это видела. Она не уверена, что Паша сам в курсе.

– Что тебе даст знание того, что ты прав? – устало спрашивает Женя.

– Отвянь, у меня уже есть один терапевт.

Женя, что в переноске, съезживается.

– То, что ты сказал, немного обидно.

– А мне обидно, что никто не знает, где наш долбаный самолет. Давай лучше об этом думать.

Аэропорт большой. Слишком большой. В нем много воздуха, но совершенно нечем дышать. Сквозь большие панорамные окна пробивается солнце-обличитель. Оно делает все запахи горячими: пот, протертая кожа, смуглая кожа туристок-индианок, собачья шерсть.

Конечно, они опоздали. Они потратили минут десять на пограничном контроле, потом еще доставали переноску Жени из камеры особых грузов, потому что комната была одна и ключ к ней был один, а работник с ключом был на обеде, а когда вернулся, долго отказывался пускать Женю с Пашей внутрь, потому что мало ли кто они такие, эти странные русские, свалившиеся как снег на голову в количествах, не виданных даже здесь.

Паша же бормотал, что нет, на самолет они все равно должны были успеть. И все-таки самолета не было, и теперь нужно было искать офис компании, название которой – как выяснилось – никто никогда не слышал. Как будто ее никогда и не существовало. Или она – компания – умерла, разложилась, не дав Паше и двум Женям границы

пересечь, и теперь ее призрак обирает пассажиров, крадет их время, словно часовщик из сказки, чтобы потом улететь со своей добычей.

Девушка на стойке информации с нехитрым мейком, который должен скрыть ранние морщины, пытается выглядеть сочувствующей – и Жене ее жаль, потому что та хочет скрыть свою усталость и старается улыбаться. Возможно, она когда-то помогала такому же вот бедовому Паше, а потом устроилась работать в аэропорт. И теперь направляет таких вот бедовых персонажей, как Паша и двое Жень, по аэропортовой розе ветров. Налево пойдешь – туалет найдешь, направо пойдешь – «Старбакс» найдешь, прямо пойдешь – смерть свою найдешь. В этом духе. Но Паша расплывается, и Женя уже ждет, что он ударит кулаком – да, конечно, он ударит кулаком по стойке. Она видит его красные пальцы и вспоминает моменты, когда эти пальцы были – какими? Аккуратно проходящими над ее волосами, да, именно так, не касаясь, словно у нее не волосы – змеи. Она еще тогда прыснула и сказала ему, что она не Медуза Горгона, не укусит и в камень не обратит. Он сказал, что та начиталась своего Куна. Она сказала, что ее интересует не Кун, а похожее слово из тех же букв. Дальше – туман.

Ну а вот теперь она видит эти краснеющие пальцы, собирающиеся в кулак, и все тогдашнее ей кажется случившимся не с ними. Как, впрочем, и многое другое.

Но удара не происходит, из аэропорта их никто не выведет, и в конце концов балансирующий на грани взрыва Паша добивается номера окошка, где должен сидеть оператор авиакомпании. Девушка на стойке о ней слышала – практически будто о полузабытой легенде. Летучий голландец версии 2020-х. У компании всего два рейса в день, и оба – в Черногорию. В Черногории – Будва. Будва как Анапа из Жениного детства: солнце, густой соленый пот, от которого никак не избавиться, цветастые палатки с пережаренными пирожками, китайскими игрушками и плавками на резинке и громкая музыка до пяти утра. Желтое на синем, цвета сезона. В Будве у Паши работа, а у Жени – попытка слезть с кетамина.

– Я иду за билетами на «Турецкие линии», – говорит Паша.

– У нас нет денег, – говорит Женя.

– У тебя же есть, – немного обиженно говорит Паша.

Женя вспыхивает.

– Мы говорили об этом, Паша.

Он был бы похож на Гарри Поттера, если бы был чуть плотнее, имел шрам в виде молнии, ну и если бы его играл Редклифф. На первом свидании она предложила ему оседлать метлу и полетать.

- Ну у тебя зарплата когда была, десять дней назад? Тебе жалко, что ли?
- Паш, ты же знаешь, что я трачу почти все на... Почему бы тебе не попросить у родителей?
- Нет, – говорит Паша.

Она внимательно смотрит на Пашу. В такие моменты она мысленно меняет ударение – не Пáша, а Пашá, подходит времени и месту и *кретинскому кретинизму кретина*, с которым она стала зачем-то встречаться. У Паши высокий белый лоб и интеллигентный взгляд из-под круглых стекол очков. Он был бы похож на Гарри Поттера, если бы был чуть плотнее, имел шрам в виде молнии, ну и если бы его играл Редклифф. На первом свидании она предложила ему оседлать метлу и полетать. Паша ответил, что не против был бы оседлать ее саму. Женя обиделась и хотела его заблокировать. Но потом Паша подарил ей гриффиндорскую мантию, купленную на «Амазоне», и они вроде как помирились. Потом они все-таки полетали на метлах, но в какой-то онлайн-игре.

Метлы сейчас не помешали бы, конечно.

Но в этом мире нет магии, как нет и маны, вместо маны – нефть. Нефть позволяет владельцу делать что угодно. Как и магия. Родители Паши нефтью не владеют, но помогают ее добывать. Поэтому у Паши есть деньги. Но тратить он их не хочет: грязные деньги не интересуют больших мальчиков, они их тратят на книжки Дэвида Гребера и билеты на философские лекции, чтобы вроде как *отмыться*. Так, по крайней мере, он сам объясняет. Но шаг у Паши все равно короткий и степенный, как у восточного принца.

Они ищут окошко авиакомпании. На его месте они находят только точку одного арабского перевозчика, на стекле – огромными красными буквами на русском «НА ЕГИПЕТ БИЛЕТОВ НЕТ». Агент поднимает на них глаза, полные нищезанской бездны, но быстро просыпается, как только понимает, что речь идет не о билетах в Египет. И все равно он им помочь не может: об их авиакомпании он даже не слышал.

- Паша, где ты покупал билеты?
- Там же, где и все...
- А ты внимательно смотрел, на какой сайт реди ректил покупать билеты тот самый сайт? Точно-точно?

Паша не понимает. Женя вздыхает. Тот, что в переноске. Но та, что не в переноске, с ним солидарна.

Еще они находят книжный магазин. Он уставлен биографиями Эрдогана, вечными Стивеном Кингом и Артуром Хейли, для тиктокеров – Колин Хувер, и Женя уже почти готова купить «Аэропорт», чтобы искать там ответы. На вопрос, например, что делать, если твоего перевозчика не существует в природе. Или он умер, а самолет улетел без него. Или что делать, если твой парень стрессует из-за переезда, но пытается скрыть это плохой игрой в мужикастого мужика. Или как слезть с кетамина, причем так, чтобы у тебя посреди дня не дрожали руки в стаккато синдрома отмены. Так много вопросов, так мало ответов, так хочется руководство на тему «Как быть с Пашей» или долгожданный сиквел «Как быть Женей». В переноске мяукает Кото-Женя, и Женя вспоминает, что не кормила его с самого утра, когда они влетали на заднее сиденье такси, а Паша торговался с таксистом по поводу цены, словно они не опаздывали на регистрацию. Бедные, бедные голодные Жени. Женя (та, что не в переноске) предлагает перекусить, раз поиски компании не увенчались успехом. Она знает, что Паша будет отнекиваться – он, конечно, тоже голоден, просто хочет и сейчас оказаться правым, мол, вот он точно знает, где найти агента авиакомпании, как найти проклятый самолет, и поедят они уже на борту. Бедный Паша.

Так и происходит. Паша спрашивает дорогу у стойки с кофе и булочками. Булочки издевательски сильно пахнут сдобой, джемом и плавленным сыром. Женя понимает, что она такими темпами тоже превратится в голодного kota. Стойка отправляет их через несколько рядов окон регистрации, где они находят только туалеты. Женя обнаруживает

у себя давно подавленное кетамином желание заплакать, но вместо плача из нее вдруг вырывается, что слезть с кетамина было преждевременным решением. Паша смотрит на нее недоуменно и ничего не говорит. Женья злится на Пашу, хотя он вот точно тут был ни при чем: слезть с кетамина было ее и только ее решение. Кажется.

Наконец после поиска стойки агентства у зоны вылета Паша капитулирует. Они купят новые билеты, он заплатит, говорит он так, словно эта блестящая идея пришла ему в голову только что. У Жени в голове только Нелли Фуртадо. Почему все хорошее заканчивается. В самом деле, почему.

В начале была Женья. Потом у Жени появился Женья. Женья появился после того, как у Жени появился молодой человек (нет, его не звали Женей). Молодой человек решил порадовать Женью и на день рождения подарил ей котенка. Котенок был грязный, с гноящимися глазами, и все время кричал. Потом Женья узнала, что молодой человек забрал котенка на улице у какой-то кошки, и долго плакала. Молодой человек пытался ее успокаивать, потом забил и ушел играть в плейстейшен. Котенка назвала Женей, хотя молодой человек предлагал назвать Монстром. Сам ты Монстр, сказала Женья, и кот стал Женей. В конце концов, глаза у него были голубые, как у нее.

Как звали молодого человека, она уже не помнила. Макс? Миша? Монстр? Пожалуй, пусть будет Монстр.

Пока Жени грызут куриные стрипсы, Паша уходит искать туалет. И не найдет, думает Женья, чувствуя, как к ней снова возвращается головная боль. Потом в руке у нее оказывается блистер с таблетками. Она слегка удивляется, потому что блистер был запечатан в пакет на случай дотошного досмотра, и как он переместился из багажа к ней рюкзак, а потом ей в руку – загадка дыры. Она распаковывает таблетки, словно лопают пузырьки на оберточном полиэтилене, хотя зарекалась это делать, хотя, плача, просила психиатра назначить что-нибудь другое, и та назначила другое, безопасное, более надежное, не такое болочечное-хаотическое. Но потому оно и не работало, по крайней мере – не работало в маленькой «двушке» в Замоскворечье с Пашей и Кото-Женей, не работало с оседающим на листьях платана за окном первым снегом, который холодно таял на ладони, когда она сгребала его с карниза.

– Женья?.. – кликают ее откуда-то далеко.

– Мясю.

Он не сразу понимает, кто из двух Женья это сказал. Он протягивает руку к опрокинутой копне длинных волос, держит в нерешительности и убирает. Будто боится, что его укусят.

Она поднимает голову.

– Ты искал билеты?

– Их не будет.

Он садится напротив, мрачно уставившись на коробку стрипсов, словно это были дождевые черви. Стрипсы душисто дымятся, дымок ей хочется поймать рукой, чтобы он совсем не улетел, спрятать, зажать в кулаке. Ей зябко.

– Ты спрашивал, будут они или нет, или уверен, что их нет?

Он закатывает глаза и откидывается на спинку дивана. На фоне его бежевого свитера диван кричаше красный. Почему в этом аэропорту все красное?

– Что?

– Квоту для животных сложно найти, если не бронировать за неделю или там две вперед. Ты же в курсе.

– Откуда мне знать. Может, кто-нибудь с собакой не полетел и сдал билеты. Или опоздает на рейс, как мы, и квоту...

– Мы не опоздали, – оборвал Паша, выпрямившись.

Потом молчит, как бы оглушенный собственной резкостью, и добавляет, аккуратно обходя опасную близкую пропасть:

– Не полететь. По крайней мере...

– Не с котом, – доканчивает она.

Комната в отеле, приглушенный свет, ветер треплет занавеску с обязательным желтым пятнышком у края. Занавеску никто не дерет. Из вентиляции пахнет травой. Женья в постели с Пашей. Паша отвернулся и сопит. Она не может заснуть. Она смотрит в окно на белый фонарь, единственный на всю улицу. Где-то орут кошки. Фонарь моргает, часто-часто, потом продолжает гореть. Продышался. Она понимает этот фонарь, в этой фантазии она тоже осталась одна в темноте.

Иногда она думает, что будет, если Женья останется один. Или одна. Она сразу начинает плакать. Наверное, их разорвет от боли, а мелкие кусочки унесет по ветру.

Конечно, это ее кот. Всегда был. Не его. Дело не в аллергии. Дело в чем-то более глубоком. В чем-то, что она до сих пор не вполне поняла. И вряд ли поймет.

Нет, конечно, она не слишком привязана к коту. Все в порядке, точно.

– Я пойду пройдуся. – Она поднимает переноску и выходит из кафе. Паша завис со стаканчиком кофе в руке, сидит полуобернувшись, как бы хочет встать и пойти за ней. Но не встает. Она смотрит в окошко переноски и находит зеленющие с черным ядрышком глаза.

Теперь она Кото-Женя. Ей хочется пробежаться. Размять сотни мышцы, названия которых она не знает, но чувствует до подрагивания пальцев. Она очень хочет вырваться из переноски, но понимает, что переноска накрепко закрыта, сеточку не продрасть даже более крепкими когтями, чем у нее. Да и снаружи не знакомые запахи, а целый букет неприятного, горького и удушающего. Мятные конфеты. Обоссанные пеленки под чьим-то шпигелем. Желтеющая на полках магазина бумага. Пережаренный кофе в картонных стаканчиках, едва теплый. Фреон холодильных камер в кафе. Пот охранника, который вышел сегодня в свою первую смену и теперь поглядывает на смуглую женщину в никабе. Заразительный озоновый запах железного чего-то, что облепило стены.

Женя проходит мимо женщины в никабе. Она спит, рядом с ней мальчик в жилетке читает комиксы. В руках у нее пустой стаканчик кофе с отпечатком розовой губной помады. К ней подходит мужчина с черной бородой, в шортах, слегка сутулый – у него в руках бутылка воды. Он присаживается рядом и что-то говорит мальчику. Женя идет дальше и думает про женщину в никабе, про то, как она запрокинула голову, глаза закрыты, рот не видно из-под черной повязки. В руках стаканчик из-под кофе, вот-вот выпадет. А вроде не самый худший сценарий – умереть в аэропорту, думает внезапно Женя. Даже романтично: терминал вылета, сердечный приступ, душа несется вслед за очередным самолетом. Красиво. Так Мамардашвили умер, вроде. Очень философская смерть. Главное, чтобы рейс был на юг, размышляет Женя, глядя, как за стойкой регистрации плачет сотрудница в красном галстуке, не обращающая внимания на потекшую тушь. Да, на юг, не хочется после смерти очутиться в каком-нибудь Ставангере или Норильске и шнырять по холодным улицам.

Потом женщина просыпается. Муж дает ей воды, она кивает, достает из розовой кожаной сумки таблетку и приоткрывает никаб. Ее рот красиво очерчен, думает Женя. Она оборачивается и ищет глазами Пашу, но его нигде нет. Она достает телефон и проверяет сообщения, но и там пусто. Она борется с желанием написать ему, но потом

вспоминает разговор про деньги – тебе жалко, что ли – и кладет телефон обратно.

У тебя избегающий тип привязанности, сказал Паша. Они сидели в японском кафе. Свидание, если говорить старыми словами. Если новыми, то что-то типа дейта. Как в первый раз, только не первый. Она была запыхавшаяся после работы и растирала пальцы после холодных поручней. Забыла перчатки, дура. Он, конечно, пришел вовремя, надушился ее любимым меренговым запахом и надел запонки. Короче, выглядел идеально. Не как только что с собеседования.

Ну что, спрашивает Женя, сцепив пальцы на его руке. Он отдернул – холодно. Ее это задевает, хотя она не понимает почему. Смотрит на подошедшего за пальто официанта так, словно это он ее руку только что сбросил. Он выдерживает ее взгляд и предлагает повесить пальто. Она отказывается, перевешивает через спинку стула. У тебя избегающий тип привязанности, выпаливает внезапно Паша. Потому что я опоздала? Он только кивает. Вообще-то это была его идея встретиться на радиальной станции, куда ей с работы далеко – удаленку им не разрешали тогда еще. То, что я опоздала, еще не значит, что я тебя избегаю, говорит она. Он только хмыкает. Она чувствует теплоту к этому его хмыканью и ненавидит себя за это.

Женя, что в переноске, доносят до кафе. Кафе она определяет по стойким запахам кофейных зерен из Кении, Гватемалы и Бразилии и сахарного сиропа. У ее переноски слишком жесткое дно; она понимает это как раз в такие моменты, как сейчас, когда ее ставят на стул, не так давно крашенный и потому отвратительно воняющий. Она аккуратно мяукает, но понимает, что хозяйка ушла и ее не услышит.

Ты выглядишь как очень усталый человек, говорит ей бариста с толстой черной косой. *Ю лук лайк тайд хьюман. Ви ар тайд*, кивает Женя, пропевая «р», плюнув на университетский идеальный прононс, который им вбивали на парах всей группой. Мимоходом думает, что завидует этой баристовой косе – ей самой такая не грозит, у нее волосы только выпадают. Она садится за столик у облапанного металлического поручня и смотрит, как на гейте разговаривает пара: он в два раза выше нее, обнимает, из правого кармана жилетки торчит платок в синюю полосочку. Хотя бы платок заправил, дурак.

Кофе пережаренный. Как она и ожидала. Она отпивает и благодарит бариста улыбкой. Паше бы

такой кофе понравился: турецкий темперамент, турецкие вкусы. Они и познакомились в аэропортовой кофейне. Женю тогда рубило, как не рубило, кажется, никогда, потому что работа режим сбила и она все боялась опоздать на самолет. Но кофе привлек сон. Она буквально чувствовала, как ей глаза засыпали песком, когда кто-то к ней подсел, и сон смело так, словно ей дали пощечину.

- Я только хотела поспать, – сказала она.
- Тогда благодаря мне вы не опоздаете на рейс, – сказал он. *(Да не опоздали мы! Не опоздали!)*

Они мало говорили тогда. Это она сейчас понимает. Она же и правда опаздывала. Запомнила его как парня в очках, благодаря которому не провела в аэропорту еще сутки в ожидании нового рейса на Кениг. Успели только обменяться профилями в «ВКонтакте».

Она лежит, свернувшись клубочком. Ее прыгательные мышцы ноют от необходимости лежать. Вообще-то она любит лежать, но в удобном кресле, напротив Жени, чтобы не терять Женю из вида и следить за тем, другим, который ей не очень-то и нравится. Но лежать в переноске – нет, она ненавидит, ее будто посадили в гигантский стакан, где и дышать-то практически нечем, и в маленькое окошко видно только разноцветные пятна. Зато как оно ШУМИТ. Она бы расцарапала себе уши, да знает, что это не поможет и шум никуда не исчезнет, а Женя ее понесет к ДОКТОРУ. Нет, она потерпит еще немного, и это точно должно закончиться.

Потом ее начинает тошнить. Наверное, кетамин вошел в контакт с кофе, или типа того. Она вскакивает и бежит искать туалет. Хочет взять с собой переноску, но вспоминает, что Женя не любит шум сушилок для рук. А они шумят громко, так, что закладывает уши. Поэтому переноску она оставляет на стуле и бежит в поисках туалета. Туалет она находит быстро, даже без очереди. Влетает в кабинку и блюет. У блевотины неприятный привкус кофе и почему-то апельсинов. Вспомнила, что Паша не хотел допивать апельсиновый сок перед вылетом и она допивала за него, хотя апельсины не любила. Может, апельсинам кетамин понравился тоже, думает сползшая на пол Женя. Потом она обшаривает карманы и не находит там любимой ментоловой жвачки – увы и ах, увы и ах, кто вообще придумал это выражение и откуда она его знает? Откуда она вообще знает слова?

Она не знает слова. Зато она знает, как пахнет боль. Как пахнут слезы. Как пахнет голод попрошайки, который вертится у кофейни, не решаясь переступить барьер. Как пахнет нелюбовь.

Как пахнет оставленная на столе десять минут назад влажная салфетка со следами кофе и пятнами соуса. Как пахнет сведенный желудок, сжатый изнутри лекарствами и кофеином. Как пахнет шерсть уставшего лежать в переноске шплица. Как пахнет пот женщины в пальто, жалующейся на пропадающий билет. Как пахнет тоска. Как пахнет сочувствие. Как пахнет надежда.

Потом она стоит перед мыльным диспенсером, реагирующим на движение, и проводит под ним рукой. Ничего не происходит. Перед глазами плавают изображение в зеркале. Теперь Жене кажется, что это не изображение, а она сама поплыла. Минуту назад девушка подошла к раковине, спокойно намылила ладони, легко сполоснула руки и ушла – пузырьки мыла по пальцам стекали. А почему у нее так не получается? Она переходит к другому диспенсеру, но тот на ее пассы ладонями тоже не реагирует. Интересно, что такого знает диспенсер о ней, что не знает она о себе. Может, она уже не человек и поэтому датчики на нее не срабатывают? Может, ее уже не существует? В итоге она собирает капли мыла, скопившиеся на выходном отверстии диспенсера, моет руки и выходит. Ей как будто теперь еще хуже, чем когда ее тошнило.

За соседним столиком беседуют две женщины, русские. Русских много в Стамбуле, больше, чем турок, смеялся какой-то айтишник, после чего ему ответили – а эшников больше, чем русских. Женя тогда улыбнулась, но не ожидала, что шутка окажется правдой – про русских, не про эшников – и еще что ей повезет. Женщина была в пальто и солнцезащитных очках, кажется, не для защиты от солнца, а для защиты от косых взглядов на ее слезы. На коленях была переноска со шпцем, а на столике – смятый билет турецкой авиакомпании. Женщина должна была полететь в Черногорию, но чье-то сердце в России не выдержало, так что билет останется смятой бумажкой на этом столике, а у них троих с Пашей и Кото-Женей появился шанс попасть в Будву, где солнце, работа и психиатр. Она поднимает телефон позвонить Паше. Замирает: она представляет себе перекошенное лицо Паши – Гарри Поттер, не поймавший снитч, турецкоподданный, не допущенный к султану, – а потом набирает номер.

Паша появляется в «Старбаксе» через десять минут. Она почему-то уверена, что он нарочно задержался, сделал лишний круг, чтобы заставить ее понервничать, заставить воображаемых змей на ее голове кусать друг друга, – и говорит

первой, чтобы он не успел сказать что-нибудь обидное:

Надо свернуться в колечко, в булочку с корицей, чтобы тебя не задело этой волной, не задело не задело.

– Мы можем успеть купить билет на сегодня. Один освободился до Тивата.

Она знает, как онотреагирует. Сначала покривится, пожует губами. Вздохнет, будто она заставляяет его катить в гору камень, который нетнет да и придавит его своим весом и покатится вниз. Всегда ли он был такой? *Пинок под жопу, когда случайно подвернулся под ногу: всегда был такой, всегда всегда всегда.* Кажется, нет, только моментами: косо́й взгляд, когда на фесте на Пхукете симпатичный музыкант повязал ей на запястье фенечку – *good luck*; слишком сильно сжавшаяся у нее на горле рука, когда они занимались сексом – она закашлялась и потом долго пыталась, чего он хотел добиться (не ответил); его исчезновения на долгие ночи, которым никогда не находилось объяснения.

– Я не люблю просить деньги, ты же знаешь. Почему не попросишь ты?

Бывают моменты, когда тебе попросту становится некуда прятаться: ты и так в углу, между тобой и угрозой и так самое большое расстояние, даже если самое большое – вытянутая ладонь; ты просто ждешь, когда все закончится, и надеешься, что тебя не заденет.

Женя разозлилась.

– А почему я всегда должна просить? Разве не ты у нас нефтяной принц?

Где-то что-то хрустнуло, пошло трещинами, рвало несущую стену.

– Потому что это грязные деньги, которые никогда не приносят пользы.

– А почему ты не хочешь, чтобы они принесли пользу хотя бы нам? Один раз?

Она знает, что дальше услышит молчание и увидит обиженное лицо восточного принца. Все как обычно. Это лицо она слишком хорошо знает. Это лицо хочется разбить. Ударить ладонью так, чтобы оно разлетелось на осколки, а на месте этого лица было бы лицо нормального Паши. Но она знает, что этого не произойдет.

Вообще-то она тоже виновата, наверное. Еще одно воспоминание всплыло. Они делали селфи с видом на закат, а потом из-за чего-то поругались. Женя тогда тоже была на таблетках. Она бросилась к большому шкафу, от мамы доставшемся, и вытащила из синей папки с документами

Пашино свидетельство о рождении. Паша кричал, она закричала тоже и порвала свидетельство о рождении – мятенское, с советским гербом – надвое, а потом вчетверо. «А теперь тебя вообще нет. НЕТ! Ты не существуешь и никогда не существовал!» – кричала Женя. Женя думает, что тогда, может, и правда уничтожила Пашу. И осталось только *это*.

Wow, what a lovely cat, говорит чужая рука. Чужая рука шуршит ногтями с заусенцами по ткани переноски, по решетчатому окошку, барабанит подушечками пальцев по ней. Рука не понимает, что ты уже напуган? Рука не понимает, что ты не хочешь общаться, вообще говоря, никогда не в духе общаться с чужими руками, пахнущими курицей и мазутом? Но рука продолжает, красные губы расплываются в улыбке и произносят слова на неизвестном языке, и тебе только и остается что Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш.

– Жень, ты че?

Женя закусывает губу, резко, до крови. Не хочет показаться слабой, так что не дает вырваться стону, молчит. Турецкий мальчик отшатывается от переноски, *Bad kitty!* – верещит и ныряет в породившую его толпу пассажиров. Город кошек, город шатающихся мальчиков, город бешеных подружек, которые шипят на своих бойфрендов, подружек, которые забывают принять таблетки или принимают их целыми пригоршнями. Плохие киски.

Когда Жене кажется, что она вот-вот перегрызет ему горло, они договариваются хотя бы разделить счет за билет. Они идут к кассам, гуськом. Жене кажется, что она привязана к Паше невидимой цепью. Хотела быть *привязанной*, а оказалась *привязана*. Скованные одной цепью.

Они встречались три года, но любовь прожила меньше. О женитьбе говорили ровно один раз: когда был конец февраля; тогда идея была в том, чтобы упростить визовые вопросы. Вроде со штампом в паспорте было бы проще. Но дальше разговоров у него как-то не пошло, а ей это все казалось пошлым.

Что такое любовь, кроме как вкусная еда рано утром, объятия и тепло, пахнущее топленым молоком, которым хочется затопить до краев?

У окошка стоят ребята с биглем, бигль на красном поводке и нетерпеливо виляет хвостом, глядя то на хозяев, то на смурных сонных людей, которые тоже хотят купить билет. Женя улыбается биглю, тот скалитися и вдруг начинает на нее лаять; Женя шипит, а Женя отворачивается на окошко с сотрудницей авиакомпании, сухой

старушкой в красном же галстуке, такая пионерка-переросток. И Паша начинает спорить с пионеркой-переростком, пытаясь говорить ГРОМЧЕ, словно от этого ее английский стал бы лучше; а хозяйка бигля приговаривает: «Не кричи, Волт, не кричи» – и пытается заставить его лежать, а сам Волт скулит и облизывает ей руки.

И в этот момент у Жени созревает план, падает на землю такой крупной гроздью, взрывается соком, покрывает тебя с ног до головы. План настолько очевидный, что странно, что он не пришел ей в голову раньше, но вслух она ничего не говорит; Паша по телефону сцеживает нефтяные деньги и Женины накопления на ипотеку, которая больше была не нужна, а Женя готова рассмеяться от того, какой чудесный у нее появился план. Она бы бросилась расцеловать Пашу, если бы не *зажигалка, которой он пытался подпалить усы, навизшись хванчжары; а ты орал, орал от боли, пока не пришла Женя;* и она вспоминала, как он в первый раз сказал, что «не уверен, что ее любит», вернее, не сказал, а ввел запрос в «Гугле», а она сидела и плакала, не зная, то ли отдаться боли, то ли стыду за то, что не выдержала и заглянула в историю его браузера.

И вот они идут, *они двое и Паша, только так, соединенные своим знанием плана и Пашиным его незнанием,* идут жать своего рейса, а потом к гейту. И Паша даже как-то пытается жеманно, в своей манере, извиняться, как бы сквозь зубы, *но это все неважно, потому что гейт уже близко. Она в последний раз выпрямляет спину, потягивается, готовясь сделать прыжок. И пока они сканируют билеты и идут к рамкам металлодетектора, ей все-таки удается разгрызть злосчастную тканевую решетку. Тогда она напрягает мышцы и делает прыжок вперед, такой, который от себя не ожидала. Ей кричат вслед, но ей уже все равно, ведь ее план – исполнился! Исполнился! И она уже не бежит, нет, летит, через рамки детекторов, через чужие ноги, через чужие уставшие руки, прочь, туда, где только свобода и любовь, пахнущая теплым парным молоком.*

